

“Our Friend Wang”: Cultural Frontiers in Concepts of the Chinese in the Urals during 1950 – beginning of the 1960s

Mikhail S. Kamenskikh (a) & Andrey A. Avdashkin (b)

a) Perm Federal Research Center of Ural branch of Russian Academy of Science. Perm, Russia.

Email: mkamenskih27[at]gmail.com

b) South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.

Email: adrianmaricka[at]mail.ru

Received: 15 September 2022 | Revised: 17 November 2022 | Accepted: 30 November 2022

Abstract

The article is devoted to the visualization of the image of a Chinese in the periodical press of the Urals in the 1950s. Using the methodology of critical discourse analysis, the authors identify several target groups that form the image, describe their characteristic features and highlight the general and the special characteristics. The source base was made up of materials from the Ural periodical press. During “Great friendship” the Chinese who took part in labor training at enterprises and universities in the USSR became an object of attention of the Ural periodical press from the moment of their appearance in the region in 1954 and up to the almost complete return to their homeland. Periodical publications formed and broadcast to readers a positive image of the Chinese, using some lasting methods of description: putting in an industrial environment, displaying a certain hierarchy in the relationship “diligent” student – “wise” mentor, ‘humanizing’ the character, describing a “typical” and “correct” biography showing positive changes in China after its transition to the socialist path of development.

Keywords

Migration; Image of the Other; Soviet-Chinese Relations; Chinese Migrants; Ural Press

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Наш друг Ван»: культурные фронтиры в представлениях о китайцах на Урале в период 1950 – начала 1960-х гг.

Каменских Михаил Сергеевич (а), Авдашкин Андрей Александрович (б)

а) Пермский федеральный исследовательский центр Уро РАН. Пермь, Россия.

Email: mkamenskih27[at]gmail.com

б) Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Email: adrianmaricka[at]mail.ru

Рукопись получена: 15 сентября 2022 | Пересмотрена: 17 ноября 2022 | Принята: 30 ноября 2022

Аннотация

Статья посвящена анализу визуализации образа китайца в периодической печати Урала 1950-х годов. Используя методологию критического дискурс-анализа, авторы выделяют несколько целевых групп, формирующих образ, описывают их характерные черты, выделяют общее и особенное. Источниковую базу составили материалы уральской периодической печати. В период «Большой дружбы» китайцы, проходившие трудовое обучение на предприятиях и в университетах СССР, становятся объектом внимания уральской периодической печати с момента своего появления в регионе в 1954 году и вплоть до практически полного возвращения на родину. Периодика формировала и транслировала читателям положительный образ китайцев, применяя для этого устойчивые способы описания: помещение в производственную среду, отображение определенной иерархии в отношениях «прилежный» ученик – «мудрый» наставник, гуманизация персонажа, описание «типичной» и «правильной» биографии, показывающей положительные перемены в Китае после его перехода на социалистический путь развития.

Ключевые слова

миграция; образ Другого; советско-китайские отношения; китайские мигранты; уральская пресса

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Длительный опыт соседства, протяженная общая граница и масштабные миграционные волны с территории Китая сформировали в России сложный комплекс представлений о Китае, китайцах и китайских мигрантах (Лукин, 2007). Важно подчеркнуть, что исторический контекст появления этого комплекса зависел от динамики трансграничных миграций между Россией и Китаем на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков (Ларин, 2009). Образы китайцев, характерные для начала XX века и связанные, в первую очередь, с китайскими рабочими на российских заводах времен Первой мировой войны, к концу 1930-х гг. практически исчезли, оставшись лишь на периферийных участках исторической памяти (Дятлов, 2016, с. 233, 241). Однако наступивший в начале 1950-х годов период тесного внешнеполитического сотрудничества СССР и провозглашенной в 1949 г. Китайской Народной Республики создал условия для появления новых стереотипов, принципиально отличавшихся от тех, что были ранее. Внимание авторов обращено к сравнительно короткому промежутку второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., известному как «Советско-китайская дружба», когда тысячи китайцев вновь стали появляться в нашей стране (Пын Мин, 1959, с. 268).

Несмотря на то, что советско-китайская дружба – сравнительно мало изученный эпизод китайской миграции в Россию, необходимо отметить, что в последние годы вышел ряд интересных публикаций об образах советско-китайской дружбы в кинематографе, плакатах и прессе (Gamsa, 2012; Урбански, 2017; Федомов, 2017; Волошина Н. Н. & Юдина Л. С., 2005; Кириллов А.Д. & Каёта Г. М., 2017). Но все же особенности изображения в печати китайцев, живших в СССР в те годы, освещения не получили. Восполнение этого пробела составляет основную исследовательскую программу авторов. В рамках данной статьи планируется изучить образы китайских мигрантов в годы «Большой дружбы» на примере периодических изданий Урала (тексты, сюжеты, способы описания и др.). В центре внимания находится формируемый прессой нормативный образ, т. е. то, как органы пропаганды, пресса и власти «видели» китайских мигрантов. Именно это видение транслировалось населению в условиях сближения с КНР.

Миграция в СССР из Китая в этот период была централизованной. Практически сразу после установления дипломатических отношений с СССР в феврале 1950 года правительство КНР с целью модернизации собственной страны начинает активно обсуждать организацию подготовки в СССР квалифицированных технических и административных кадров. Всего для трудового обучения в СССР планировалось привлечь примерно 80000 китайских рабочих (ОГАЧО, 1955, Ф. П-288. Оп. 19. Д. 21, Л. 12). После двухлетних переговоров СССР и КНР было принято постановление Совета Министров СССР от 26 апреля 1955 года № 815-488 «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом

строительстве и трудового обучения в СССР» (ГАПК, 1955, Ф. Р. 1084. Оп. 2. Д. 12. Л. 2). В соответствии с этим постановлением и рядом других подписанных на его основании договоров, китайцы должны были прибывать на строительство промышленных объектов в города СССР. Китайской стороной набирались здоровые мужчины в возрасте 18-35 лет, согласные на ручной труд, сознательные и имеющие «рабочее» происхождение (Ян Ш., 2015, с. 105).

Учитывая, что взаимодействие между СССР и КНР осуществлялось преимущественно в сферах строительства и научно-промышленного сотрудничества, значительную часть китайцев было решено отправить на Урал: в Молотовскую (Пермскую), Свердловскую и Челябинскую области. Всего для работы в трестах и строительных управлениях Урала планировалось направить 18500 рабочих (6200 – в Челябинскую область, 5600 – в Свердловскую и 6700 – в Молотовскую) (ОГАЧО, 1955, Ф. П-288. Оп. 19. Д. 21. Л. 12, 51). Однако регионы оказались инфраструктурно не готовы к приему. Трест Южуралметаллургстрой, например, открыто писал о неготовности принять китайских рабочих (ОГАЧО, 1955а, Ф. П-288. Оп. 19. Д. 96. Л. 8-9). Кроме этого, как показывают мемуары Н.С. Хрущева, советское руководство опасалось приезда большого количества китайцев в восточные районы страны (Хрущев, 1999, с. 351). В этой связи плановые цифры по набору китайцев были понижены до нескольких тысяч.

Китайцы прибывали на Урал партиями в течение 1955-1956 годов. На полтора десятилетия они стали неотъемлемой частью повседневной жизни крупных уральских городов. Китайцы стали героями тысяч плакатов, агиток, фотовыставок и других форм визуализации, широко применявшихся в условиях послевоенного СССР (Лукин, 2007, с. 12-15). Все это актуализирует изучение визуализации этничности китайцев именно в границах уральского региона.

Методологической основой работы стал критический дискурс-анализ, включающий в себя несколько направлений (Wodak R. 2009; Van Dijk T., 2014; Fairclough N., 2015). Исходной точкой данного исследования послужил диалектико-реляционный подход, подразумевающий изучение отношений (реляции) между такими атрибутами анализа, как дискурс, деятельность, субъекты, социальные отношения, ценности, время и место коммуникации. Цель такого подхода сводится к изучению семиотического отражения социального конфликта в политическом дискурсе. Внимание сосредоточено на том, какие группы китайских мигрантов служат основным источником репрезентаций, какова их деятельность, время и место действия, какие отношения складывались между мигрантами и представителями принимающего общества и т.д.

На этой основе определены основные стратегии изображения китайцев в текстах периодики. 1. Презентация/Исключение (какие категории китайских мигрантов включались в текстовые и визуальные репрезентации прессы,

в каких социальных контекстах они изображались: общества, институты и др.).
 2. Роли (в каких ролях по отношению друг к другу и представителям принимающей стороны изображались китайцы, активны они были или пассивны).
 3. Индивидуальность или социальный тип. Это измерение касалось изображения китайца либо как самостоятельного социального актора, либо только в составе групп.

Применение такой исследовательской оптики позволило проследить не только «что», но и «как» писали газеты о китайцах (язык, способы описания, умолчания, визуальные дополнения к текстам и т.д.).

Образы китайцев в советской пропаганде

Визуальные образы в СССР транслировались с помощью развитой машины пропаганды. Это центральные газеты (Павлюкевич, 2011), журналы (Гулева, 2015), плакаты, радиопередачи и киноленты (Баркова, 2018). Однако все они погружали обывателя в общегосударственный и международный событийный контекст. Плакаты и кинохроника давали аудитории готовые и яркие образы, но именно газетные сообщения закрепляли этот эффект на региональном или локальном уровне (область, город, завод). Представители советской элиты принимали решения в условиях растущих идеологических противоречий с восточным соседом, опасений демографической экспансии, дефицита информации и отсутствия четкого представления о китайцах. Перед редакторами газет и корреспондентами ставилась задача сформировать положительный образ китайцев, близкий и понятный населению, подчеркивающий ведущую роль советского государства и труженика в социалистическом лагере.

Основным источником стали газеты «Уральский рабочий», «За индустриальные кадры» (Свердловская область), «Звезда», «Уральская стройка» (Молотовская область), «Челябинский рабочий», «Магнитогорский рабочий» (Челябинская область). Кроме этого, для подтверждения ряда тезисов использовалась делопроизводственная документация органов советской власти, касавшаяся китайских рабочих Урала, полевые исследования авторов. Ниже нами будут рассмотрены лишь наиболее заметные и типичные образы, тексты и ситуации, связанные с изображением китайцев.

Уральские газеты презентовали читателю несколько категорий китайцев: студентов, рабочих и практикантов, важных и узнаваемых персон. Именно эти группы мигрантов выходили на первый план в репрезентации образа, поскольку были наиболее широко представлены в индустриальных центрах Урала. Значительная роль в визуализации образа китайца принадлежала трансграничным образовательным и научным контактам. Исследователь Д. Хань оценивает численность китайских студентов, отправленных для учебы в СССР, примерно в 8000 человек. Подавляющее большинство из них обучалось на технических специальностях (Han D., 2013). Уральский политехнический

институт (УПИ) в начале 1950-х годов являлся одним из крупнейших вузов Урала по подготовке специалистов технического профиля. В музее университета сохранились поименные списки, где за 1956–1961 гг. значатся фамилии 242 китайских студентов металлургического, механического и химико-технологического факультет («Чтоб крепла дружба», 1958, октябрь 7, с. 3). Помимо университетских аудиторий и мероприятий студенты представлены на практике в заводских цехах, в общении с советскими сверстниками (Ли Паоюй, 1959, октябрь 9, с. 7). Китайские рабочие, численность которых в СССР оценивается примерно в 10 000 человек, трудились на предприятиях Молотовской и Челябинской областей, краткие стажировки организовывались и в Свердловскую область (Каменских М. С., 2019, с. 220). Советский человек контактировал с ними в производственных цехах, лабораториях, на строительных и промышленных объектах, где передавал им свой опыт и знания. Отправной точкой в формировании и развитии образа китайца становится завод как одна из первооснов советского социального, культурного и хозяйственного строя. Китаец, в первую очередь, человек труда – такой же «созидатель», как и советский человек. Главная декорация таких текстов – цеха промышленных предприятий, строительные объекты, лаборатории заводов (Ли Паоюй, 1959, октябрь 9, с. 7).

Значительную поддержку имиджу «Большой дружбы» оказывало освещение визитов важных китайских делегаций и медийных лиц – политиков, спортсменов, ученых и деятелей искусства. У местных жителей с ней повседневных контактов не было, но эти сюжеты подчеркивали дружественные связи советского и китайского народов, укрепляли сопричастность к общемировым и общегосударственным процессам. В 1956 году большая группа журналистов ведущих китайских изданий посетила заводы и институты Челябинской и Свердловской областей. Активно освещался и визит Мао Цзэдуна на Уралмаш в 1957 году (Кириллов А.Д. & Каёта Г. М., 2016, с. 135). Все это влияло на создание единого образа братского для СССР китайского народа.

Неотъемлемой частью образа китайца на советском плакате является образ «большого брата» или «старшего брата», в роли которого выступал советский рабочий, как правило, европейского антропологического типа. «Старшим братом» граждан СССР и саму страну называли и китайцы, поскольку особенности китайского языка не позволяют выразить определение «брат». Для терминов родства китайского языка характерно подчеркивание отношений «старший – младший»¹. Образ «старшего брата» существовал в среде молодежи КНР 1950-х годов, что подтверждается авторскими полевыми исследованиями, записанными в 2009–2010 годах. «...Девушки из Китая хорошо знали нашу страну и наш город еще до приезда Советский Союз», –

1 Применительно к выражению родственных отношений между родными братьями в китайском языке используется два термина (哥哥 – «Старший брат» и 弟弟 – «Младший брат»).

писала в 1959 г. газета Уральского политехнического института «За индустриальные кадры» (Чжоу Хэ!, 1959, март 7, с. 3).

В развитие этой мысли активно транслировался процесс обучения китайцев русскому языку и постепенному овладению им (например, известный плакат «Я русский бы выучил только за то, что на нем разговаривал Ленин»). Обучение русскому языку демонстрировалось и на страницах уральских газет. «На первых порах у практикантов не все идет гладко. Дело в том, что для овладения своей профессией нужно знание русского языка. Приходится одновременно изучать то и другое», – писала через два года после прибытия китайцев в г. Молотов «Уральская стройка» («У китайских практикантов началась теоретическая учеба», 1957, январь 18, с. 3). СССР как старший брат Китая виден на плакатах «Наша цель коммунизм» (1959), «Вперед к великой цели» (1959), а также на многочисленных фото в периодической печати. На этих текстовых и визуальных материалах китайцы наделяются ролью активного, прилежного и упорного ученика, а советский человек представлен как бескорыстный, мудрый наставник и учитель. Освещая визит Мао Цзэдуна на Уралмашзавод в 1957 году, свердловские газеты приводили цитаты китайского лидера о том, что Китай обязательно построит себе заводы по советскому образцу. После того, как при участии свердловских инженеров и ученых в 1952–1953 гг. в Китае заработал Аньшанский металлургический комбинат, газеты активно публиковали воспоминания рабочих, принимавших в этом участие (Чжоу Хэ, 1959, март 7, с. 3). Везде подчеркивалась роль СССР в становлении тяжелой промышленности в Китае (Кириллов & Каёта, с. 134–137). В источниках показано, что с первых дней после прибытия в СССР китайцы закупали и читали много советской технической литературы, скрупулезно вели конспекты, штудировали разговорники и словари. И эти усилия приносили плоды. Этой модели взаимоотношений следует образ китайца Фань Шито, который смог быстро освоить русский язык с помощью своего советского наставника («Великая дружба», 1954, октябрь 1, с. 2). В конце 1954 г. китайский студент первого потока Дань Шуньчжи со страниц газеты сообщал о своих достижениях в русском языке в течение последних двух лет обучения («Китаец Дань Шуньчжи», 1954, октябрь 30, с. 3).

Советские мастера и рабочие для простоты общения русифицировали имена китайцев.

«У каждого китайца, работающего с нами, кроме своего, китайского, имени, было и другое – русское. Они называли себя Юрами, Ленями, Сашами, Мишами, Колями» («Родным домом для них стала стройка» (1958, июль 22). Уральская стройка).

Такая русификация подчеркивала «братские узы» русского и китайца на уровне межличностного общения, подчеркивая статус русской культуры по отношению к китайской. К началу 1960-х гг., газеты писали, что китайцы уже «неплохо изучили русский язык» («Верю в китайский народ», 1963, октябрь

1, с. 2). Китайцев, в свою очередь, уральские газеты характеризовали как трудолюбивых, скромных и любознательных («Дружба», 1955, май 1, с. 3). Упорство и трудолюбие китайских студентов отмечали их преподаватели и сокурсники. «Работали по 8-9 часов в день... не было ни одного ленивого или нерадивого, ни одного, кто пожаловался бы на неудобства и трудности», – писала о китайцах в 1958 г. одна из участниц производственной практики Н. Клишина («Чтоб крепла дружба», 1958, октябрь 7, с. 2). Известно, что на каникулах у китайцев, в отличие от советских студентов, была возможность провести в санаториях не две недели, а все лето. Но они все равно просились на работу, чтоб ни в чем не уступать сверстникам из СССР. «Большинство теперь стабильно имеет такие ежемесячные показатели: 150-200%», – писала о труде китайских рабочих газета «Уральская стройка» (В бригаде Яо Кэцзина, 1959, сентябрь 30, с. 2). Газета «Вечерний Свердловск» в 1959 г. сообщала, что китайцы:

«...это удивительно трудолюбивый, настойчивый и пытливый народ. Их стремление и упорство в учебе вызывают только восхищение. Как бы не шалила погода, китайские практиканты работали на своем участке, не покладая рук, с тем неиссякаемым энтузиазмом, который присущ китайским коммунистам» («Всегда поможем», 1959, октябрь 1, с. 1).

В конце 1950-х годов газеты Молотова неоднократно сообщали о китайцах, овладевших тремя и более специальностями и занявших важное место в работе своих бригад, а также о китайских бригадах. Роль ученика не ограничивалась заводским цехом или университетской аудиторией. Немало текстов посвящено тому, как советские люди вовлекали китайцев в общественную и культурную жизнь. Газеты писали о том, как в городах Урала проводились вечера советско-китайской дружбы, праздничные концерты, игры в шахматы, танцы, организовывались другие формы совместного досуга с местной молодежью. Китайские студенты принимали участие в самодеятельности, студенческой спартакиаде, издавали на кафедре «Русского языка» газету «Наш второй язык» (Ло Иицяо, 1956, декабрь 21, с. 3). Газета «Уральский рабочий» в выпуске, посвященном 5-летию создания КНР, в 1954 г. сообщала, что в Уральском политехническом институте организуются вечера молодежи. «В них принимают участие китайские студенты, обучающиеся в ВУЗах и техникумах Свердловска», – сообщал автор статьи («Великая дружба», 1954, октябрь 1, с. 2).

Помимо общей с советским человеком цели – построить коммунизм – китаец в газетных текстах всегда назван по имени. Он имеет биографию, характер и эмоции. Многие тексты посвящены отдельному человеку или небольшим группам, но, как правило, личность не растворяется в коллективе. Так, некоторые заголовки в газетных заметках начинаются с имен. К примеру «Ван Си и ее уральские друзья» или «Наш друг Ван» («Наш друг Ван», 1959, март 1, с. 1). Многие тексты содержат биографическую информацию. Как правило,

это происхождение из бедной крестьянской или рабочей семьи, затем «массовая» и непрерывная учеба и широкий доступ к образованию, служба в армии, вступление в Коммунистическую партию Китая. Про китайца Лю Шанчена писали, что в его семье было 11 человек. Чтоб прокормить семью, отец отвел Шанчена работать на стройку, когда ему было еще 12 лет («Всем советским людям», 1961, июль 1, с. 1). Эмоциональная составляющая публикаций помимо обязательных атрибутов языка дружбы вращается вокруг желания овладеть профессией и быть полезным родине.

Образы советско-китайской дружбы

Образ китайца дополняла и интернациональная дружба. Официально выступая против государственных границ и за создание единого государства всех трудящихся, советская пропаганда активно подхватывала и тиражировала образы дружбы и неформальных связей китайцев и советских граждан. На страницах газет немало сюжетов, посвященных дружескому общению советских людей с китайцами, показана схожесть жизненного пути обоих друзей. «Актный зал залит ярким светом. В глубине сцены портреты В.И. Ленина, Мао Цзедун, государственные флаги. Гостей собралось немало, зал переполнен. Поздравить друзей из КНР приехали секретари горкома партии П. В. Помазкин и горкома ВЛКСМ Г. Н. Князев», – так описывала момент праздника газета «За индустриальные кадры» («Ваш праздник – наш праздник», 1959, октябрь 5, с. 1).

Одним из заметных способов визуализации дружбы народов стало описание фактов отношений между китайскими рабочими и русскими девушками. Газеты Молотова активно освещали интернациональную свадьбу в центральном клубе поселка Балатово 30 декабря 1957 г., когда брачный союз заключили сразу пять пар. Газеты писали имена новобрачных, указывали их профессии и социальные статусы. Например, «китаец Лю Вандэ, моторист, герой и ветеран Корейской войны, и Татьяна Вершинина, комсомолка из Сочи», «бетонщик Ян Цзивэнь и разнорабочая Надежда Тонконог», «плотник ДОКа Ван Цзимин и работница ЖКХ Анна Седова», «бетонщик Лю Сюэфын и плиточница Марта Курганова», «токарь АРЗа Гао Чао и фрезеровщица авторемонтного завода Нина Кожина». Такие характеристики подчеркивали разность культур, но при этом определяли людей как близких по социальному статусу. «Этот брак лишний раз свидетельствует о все крепнущей дружбе между двумя великими народами – китайским и русским», – писала «Уральская стройка» («Свадьба», 1958, январь 4, с. 3).

«Братская» тема в периодике четко прослеживается и на примерах сопереживания трагедиям. В случаях производственного травматизма местные газеты выступали со словами поддержки в адрес китайцев. 1 апреля 1960 г. на производстве из-за нарушения технологии обращения с электроприборами

произошел несчастный случай, в результате которого погибли Лян Фуни, Ли Цзиньин, Син Сибао (РГАЭ. Ф. 9562. Оп. 2. Д. 169. Л. 2). После их смерти советское правительство и руководство треста «Молотовстрой» выплачивало родственникам погибших пособие в размере среднего ежемесячного оклада на весь период действия трудового договора. На месте захоронения китайских рабочих 15 июля 1963 г. установили мемориал, на который была нанесена надпись на русском и китайском языках: «Вечная память вам товарищам, умершим при исполнении своего долга, помогавшим строить коммунизм ради укрепления Китайско-Советской дружбы. Мир праху вашему. От коллектива китайских практикантов» (Каменских М. С., 2018, с. 59). Мемориал китайским рабочим является единственным в России подобным объектом, установленным в период советско-китайской дружбы. Для местного населения он по-прежнему играет важную роль при интерпретации образов китайцев для рабочих районов Балатово г. Перми.

Учитывая, что Китай во многом был неизвестен советскому гражданину, немало материалов было посвящено и экзотическим элементам китайской культуры. В честь 10-летия создания КНР и 42 годовщины Октябрьской революции на сцене Челябинского оперного театр им. Глинки по мотивам китайских народных сказок поставили спектакль «Цветок счастья». Неоценимую помощь коллективу театра оказал балетмейстер Ван Сисянь («Праздничные премьеры», 1959, ноябрь 6, с. 2). Красочные представления в Челябинске и Магнитогорске дали артисты Пекинского государственного цирка – участники V Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Варшаве (ОГАЧО. Ф. Р-1282. Оп. 2. Д. 90. Л. 42-45; 97-99). В конкурсах художественной самодеятельности УПИ китаянка Ло Иицяо неоднократно выступала с песней «Без дождя цветы не цветут» (Ло Иицяо, 1956, декабрь 21, с. 2).

Для жителей Молотова практиканты из КНР показывали костюмированные представления («К одной цели», 1959а, октябрь 1, с. 1). Китайцы в местном клубе ставили традиционную китайскую оперу, играли на китайских народных инструментах, а на областном смотре художественной самодеятельности в 1961 г. китайцы Треста № 7 показывали «китайский народный танец с палочками» («Китайская опера на клубной сцене», 1961, февраль 21, с. 2). Были специфические для китайцев спортивные занятия. Часто возвращавшиеся с завода домой русские рабочие видели китайских практикантов, «с азартом» играющих в пинг-понг» («В бригаде Яо Кэцзина», 1959, сентябрь 30, с. 2). Освещая свадьбу китайских рабочих и советских девушек в г. Молотове, газеты тщательно описывали наряды новобрачных: «Следуя китайской традиции, молодожены прицепили на грудь большие красные пионы с алыми лентами» («Свадьба», 1958, январь 4, с. 3).

Выводы

Краткая, но насыщенная визуальными и текстовыми репрезентациями череда публикаций в уральской печати о советско-китайской дружбе 1950-1960-х гг. формирует совершенно новый образ китайца – друга и прилежного ученика Советского Союза. Обладая древней и чрезвычайно интересной культурой, он, благодаря помощи советского народа, встает на путь социализма, который не знает национальных отличий, для которого важен сам человек. Гуманизация – доминирующий прием пропаганды, который намного легче использовать, если «друга» в лице китайского народа олицетворяет один человек, а не «толпа» или «наплыв» как в начале XX в. Редакторы газет и корреспонденты персонифицировали образ китайцев, показывали читателю, что представитель «других» – такой же человек, как и «мы»: прилежный студент, труженик и созидатель, идущий с нами к общей цели (коммунизм, борьба за мир и др.). Он имеет имя, его изображают в производственной обстановке во взаимодействии с конкретными людьми, бригадами, мастерами, коллективами заводов, цехов и др. Тем самым судьбы людей и государств, несмотря на наличие глубоких культурных и до поры скрытых идеологических различий, развиваются в общем русле.

Таким представал перед советским читателем китаец, гражданин провозглашенной Китайской Народной Республики. Уже через 10 лет дружба СССР и Китая закончилась, сменилась и риторика, появились новые образы китайца, связанные с коварством, отступлением от идей социализма и т.д. Однако в исторической памяти населения уральских городов образы советско-китайской дружбы прочно сохранились и были легко реанимированы в начале 1990-х годов, когда Россия и Китай вновь вступили на путь тесного внешнеполитического взаимодействия.

Проанализированные материалы рассказывают не только о китайских мигрантах как таковых. Сквозь призму текстов и иллюстраций в периодике можно судить об инструментах советского пропагандистского аппарата, его подходах к визуализации образов иноэтнических мигрантов. Предложенная методика может быть использована и применительно к другим народам, однако если говорить о 1950-х годах, то именно китайский рабочий стал главным героем своего времени. Перемены в советско-китайских отношениях изменили место «китайских товарищей» в кругу интересов советской пропаганды. С начала 1960-х гг. китайские мигранты отходят на далекую периферию в осмыслении мобильности/оседлости населения и советско-китайского диалога. Когда на границах СССР и Китая начали происходить вооруженные конфликты, китайских мигрантов уже практически не осталось. Внимание сместилось к новым проблемам и сюжетам, но пропагандистский всплеск интереса к пребыванию китайцев оставил в русском языке устойчивую

оценочную метафору, используемую с как положительной, так и с иронической коннотацией, «Русский с китайцем – братья навек».

Благодарности

Статья публикуется в рамках реализации гранта РНФ № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Список литературы

- Dijk, T. A. van. (2014). *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO978110775404>
- Fairclough, N. (2015). *Language and power* (Third edition). Routledge, Taylor & Francis Group.
- Gamsa, M. (2012). The Cultural and the Social in Chinese–Russian Relations. *Cultural and Social History*, 9(3), 391–405. <https://doi.org/10.2752/147800412X13347542916666>
- Han, D. (2013). Returnees and their Political Impact: Evidence from returned students and trainees from the Soviet Union in China, 1950–1966. *Journal of Contemporary China*, 22(84), 1106–1123. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.795318>
- Wodak, R. (2009). The Discourse–Historical Approach. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 63–94). Sage.
- Баркова, Э. В. (2018). Культурный мост СССР–Китай – пространство интеграции и дружбы (1940–1950-ые годы). В И. В. Турицын (Ред.), *Дружба навеки: Очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.)* (с. 173–189). НИИ ИЭП.
- В Бригаде Яо Кэцина. (1958, сентябрь 30). *Уральская стройка*.
- Ваш праздник – наш праздник. (1959, октябрь 5). *За индустриальные кадры*.
- Великая дружба. (1954, октябрь 1). *Челябинский рабочий*.
- Верю в китайский народ. (1963, октябрь 1). *Уральская стройка*.
- Волошина, Н. Н., & Юдина, Л. С. (2005). Китайские специалисты в Челябинске в пятидесятые годы XX века. В *Россия и Китай в меняющемся мире* (с. 287–292). Челябинский государственный университет.
- Всегда поможем. (1959, октябрь 1). *Вечерний Свердловск*.
- Всем советским людям. (1961, июль 1). *За индустриальные кадры*.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). (1955). Ф. Р. 1084. Оп. 2. Д. 12.
- Гулева, М. А. (2015). «Руки прочь от Китая!»: Китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.). *Общество и государство в Китае*, 45(2), 706–729.
- Для дружбы нет преград. (1963, октябрь 1). *Уральская стройка*.
- Дружба. (1955, май 1). *Челябинский рабочий*.

- Дятлов, В. И. (2016). Китайские мигранты и динамика китаефобии в России. В В. С. Малахов & М. Е. Симон (Ред.), *Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности* (с. 230–248). Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- К одной цели. (1959, октябрь 1). *Звезда*.
- Каменских, М. С. (2011). *Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в.* Маматов.
- Каменских, М. С. (2018). *Китайцы Перми: История и культура.* Маматов.
- Каменских, М. С. (2019). Советско-китайская дружба 1950 – середины 1960-х годов: Региональный опыт переосмысления. В *Российско-китайские отношения в условиях глобализации: Общие вызовы и возможности для сотрудничества* (с. 219–232). ИДВ РАН.
- Кириллов, А. Д., & Каёта, Г. М. (2016). *Китай – Урал: Из прошлого в будущее.* «Уральский рабочий».
- Китаец Дань Шуньчжи. (1954, октябрь 30). *За индустриальные кадры.*
- Китайская опера на клубной сцене. (1963, февраль 21). *Уральская стройка.*
- Ларин, А. Г. (2009). *Китайские мигранты в России. История и современность.* Восточная книга.
- Ли Паоюй. (1959, октябрь 9). *Челябинский рабочий.*
- Ло Иицяо. (1956, декабрь 21). *За индустриальные кадры.*
- Лукин, А. В. (2007). *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках.* Восток-Запад: АСТ.
- Наш друг Ван. (1959, март 1). *Челябинский рабочий.*
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (1955а). Ф. П-288. Оп. 19. Д. 21.
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (1955b). Ф. П-288. Оп. 19. Д. 96.
- Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). (1958). Ф. Р-1282. Оп. 2. Д. 90.
- Павлюкевич, Р. В. (2011). Китай – от «жертвы милитаристов» до «брата пролетария» (эволюция образа Китая в советских СМИ. 1946–1953 гг.). *Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 2, 117–124.
- Праздничные премьеры. (1959, ноябрь 6). *Челябинский рабочий.*
- Пын, М. (1959). *История китайско-советской дружбы.* Издательство социально-экономической литературы.
- Родным домом для них стала стройка. (1958, июль 22). *Уральская стройка.*
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1955). Ф. 9562. Оп. 2. Д. 169.
- Рука об руку. (1959, октябрь 1). *Уральский рабочий.*
- Свадьба. (1958, январь 4). *Уральская стройка.*
- У китайских практикантов началась теоретическая учеба. (1957, январь 18). *Уральская стройка.*
- Урбански, С. (2017). Дружба по приказу: Советско-китайское приграничье в 1950–1960 гг. *Россия и АТР*, 4, 106–124.

- Федосов, Е. А. (2017). «Вперед к великой цели!»: Образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940-х – 1960-х гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, 48, 136-144. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/22>
- Хрущев, Н. С. (1999). *Воспоминания*. Вагриус.
- Чжоу Хэ! (1959, март 7). *За индустриальные кадры*.
- Чтоб крепла дружба. (1958, октябрь 7). *За индустриальные кадры*.
- Ян, Ш. (2015). Механизм социальной мобилизации китайских рабочих в 1950-е годы. В «Китайские рабочие в СССР: опыт антропологического осмысления»: *Материалы междунар. Науч.-практ. Конф. (Пермь, Перм. Гос. Гуманит.-пед. Ун-т, 14-15 мая 2015 года)* (с. 104-116). Колорит.

References

- Barkova, E. V. (2018). The USSR-China Cultural Bridge - Space of Integration and Friendship (1940s-1950s). In I. V. Turitsyn (Ed.), *Friendship Forever: Essays on the History of Cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China (1949-1960)* (pp. 173-189). NII IEP. (In Russian).
- Chinese opera on the club scene. (1963, February 21). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- Dijk, T. A. van. (2014). *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO978110775404>
- Dyatlov, V. I. (2016). Chinese Migrants and the Dynamics of Chinesophobia in Russia. In S. Malakhov & M. E. Simon (Eds.), *Transnational Migration and Modern States under Economic Turbulence* (pp. 230-248). Publishing house "Delo" RANEPА. (In Russian).
- Fairclough, N. (2015). *Language and power* (Third edition). Routledge, Taylor & Francis Group.
- Fedosov, E. A. (2017). "Forward to the great aim!": the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940-1960s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 48, 136-144. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/22> (In Russian).
- Friendship. (1955, May 1). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Gamsa, M. (2012). The Cultural and the Social in Chinese-Russian Relations. *Cultural and Social History*, 9(3), 391-405. <https://doi.org/10.2752/147800412X13347542916666>
- Gouleva, M. A. (2015). "Hands off China!": Chinese Friends and Enemies in the Pages of Crocodile Magazine (1922-1950). *Society and Government in China*, 45(2), 706-729. (In Russian).
- Han, D. (2013). Returnees and their Political Impact: Evidence from returned students and trainees from the Soviet Union in China, 1950-1966. *Journal of Contemporary China*, 22(84), 1106-1123. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.795318>
- Hand in hand. (1959, October 1). *Uralskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Holiday premieres. (1959, November 6). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- I have faith in the Chinese people. (1963, October 1). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- In the Yao Keqing Brigade. (1958, September 30). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).

- Kamensky, M. S. (2011). The Chinese in the Middle Urals in the late 19th and early 21st centuries. Mamatov. (In Russian).
- Kamensky, M. S. (2018). *The Chinese of Perm: History and Culture*. Mamatov. (In Russian).
- Kamensky, M. S. (2019). Soviet–Chinese Friendship in the 1950s and Mid-1960s: The Regional Experience of Rethinking. In *Russian–Chinese Relations in a Globalized World: Common Challenges and Opportunities for Cooperation* (pp. 219–232). IDV RAS. (In Russian).
- Khrushchev, N. S. (1999). *Memories*. Vagrius. (In Russian).
- Kirillov, A. D., & Kayota, G. M. (2016). *China-Ural: From Past to Future*. “Uralskiy Rabochiy”. (In Russian).
- Larin, A. G. (2009). *Chinese migrants in Russia. History and Modernity*. Oriental Book. (In Russian).
- Li Paoyu. (1959, October 9). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Lukin, A. V. (2007). *The Bear Watches the Dragon. The Image of China in Russia in the 17th–21st Centuries*. East-West: AST. (In Russian).
- Luo Yiqiao. (1956, December 21). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- Our friend Van. (1959, March 1). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- Pavlyukevich, R. V. (2011). China – from “Victim of the Militarists” to “Brother of the Proletarian” (Evolution of the Image of China in the Soviet Mass Media. 1946–1953). *Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 2, 117–124. (In Russian).
- Pyn, M. (1959). *History of Sino–Soviet Friendship*. Publishers of Social and Economic Literature. (In Russian).
- Russian State Archive of Economy (RSAE). (1955). F. 9562. In. 2. C. 169. (In Russian).
- State Archive of the Chelyabinsk Region (SACHR). (1955a). F. P-288. In. 19. C. 21. (In Russian).
- State Archive of the Chelyabinsk Region (SACHR). (1955b). F. P-288. In. 19. C. 96. (In Russian).
- State Archive of the Chelyabinsk Region (SACHR). (1958). F. P-1282. In. 2. C. 90. (In Russian).
- State Archives of Perm Krai (SAPK). (1955). F. R. 1084. In. 2. C. 12. (In Russian).
- That friendship may grow stronger. (1958, October 7). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- The Chinese Dan Shunzhi. (1954, October 30). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- The Chinese trainees began their theoretical studies. (1957, January 18). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- The Great Friendship. (1954, October 1). *Chelyabinskiy Rabochiy*. (In Russian).
- The home for them was the construction site. (1958, July 22). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- There are no barriers to friendship. (1963, October 1). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- To all the Soviet people. (1961, July 1). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- Toward the same goal. (1959, October 1). *Zvezda*. (In Russian).
- Urbanski, S. (2017). Friendship by Order: The Soviet–Chinese Borderland in 1950–1960. *Russia and the Asia-Pacific region*, 4, 106–124. (In Russian).
- Voloshina, N. N., & Yudina, L. S. (2005). Chinese Specialists in Chelyabinsk in the Fifties of the 20th Century. In *Russia and China in a Changing World* (pp. 287–292). Chelyabinsk State University. (In Russian).

- We're always here to help. (1959, October 1). *Vecherniy Sverdlovsk*. (In Russian).
- Wedding. (1958, January 4). *Uralskaya Stroyka*. (In Russian).
- Wodak, R. (2009). The Discourse-Historical Approach. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 63-94). Sage.
- Yang, Sh. (2015). The Mechanism of Social Mobilization of Chinese Workers in the 1950s. In "Chinese Workers in the USSR": *Experience of Anthropological Reflection: Materials of the International. Conf. Conf.* (Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University, May 14-15, 2015) (pp. 104-116). Kolorit. (In Russian).
- Your holiday is our holiday. (1959, October 5). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).
- Zhou He! (1959, March 7). *Za industrialnye Kadry*. (In Russian).